

подносом экземпляре), и печатной, растиражированной. Изучение дарственных надписей, т. е. надписей, сделанных на одном экземпляре печатного издания,— это особая тема. Предметом нашего внимания будут именно посвящения — тексты, присутствующие, как правило, во всем тираже.⁵

Жанр посвящения формируется в русской литературе XVIII века с учетом как европейского опыта, так и национальных традиций обрамления книги. В древнерусской литературе рукописные и старопечатные книжные предисловия и послесловия были обращены сразу ко многим читателям или слушателям — «господии и братии», «всем человеком», всему «мирови» и т. д., причем, как правило, по сравнению с самим текстом произведения, они имели более светский характер. Функциональные возможности этих текстов, непосредственно соединявших автора и читателя, широко использовались в славянских литературах XVI—XVII веков. Тематика и стилистика белорусских, польских, русских, украинских предисловий и послесловий в книгах этого времени достаточно разнообразна.⁶ Постепенно появляются и предисловия-посвящения или «посвятительные предисловия», обращенные к государю и имеющие панегирический характер.

Если в древнерусских предисловиях основным компонентом было прославление правящего монарха, то в конце XVII—начале XVIII века тематика предисловий существенно расширяется, включая и филологическую проблематику и пропаганду новых общественных идей. Все это оказывается той основой, на которой формируется жанр посвящения в русской литературе XVIII столетия, ориентировавшейся одновременно и на европейский опыт. Начиная с Петровского времени в России все большее распространение стали получать книги на европейских языках: польском, французском, немецком, в меньшей степени английском, итальянском и других. Интенсивное расширение переводческой деятельности русских литераторов⁷ способствовало усвоению принятых правил обрамления книги, в том числе и определенных формул посвящения. Однако при переводе посвящения зарубежных авторов, как правило, не переводились, но часто заменялись собственными.⁸ Если Ш. Монтескье демонстративно отказывался от посвящений покровителю,⁹ то русский переводчик его

⁵ В русской издательской практике XVIII века были, разумеется, исключения: иногда в части тиража посвящение одному лицу заменялось другим. Так, посвящение Анне Леопольдовне в переводе книги Б. Грасиана-и-Моралеса «Придворный человек» (1741), осуществленным С. С. Волчковым, в части тиража было заменено посвящением только что вступившей на престол Елизавете Петровне.

⁶ Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 12–26, 71–253 (авторы глав — А. С. Демин, А. С. Елеонская, А. С. Курилов, Л. И. Сазонова, Л. И. Софронова).

⁷ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995–1996. Т. 1. Проза. Т. 2. Драматургия. Пoesия.

⁸ Редкий случай перевода книги вместе с посвящением даже ввел в заблуждение одного из авторов «Словаря русских писателей XVIII века». В статье об Иване Крюкове указано, что ему принадлежит перевод книги Ш. Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесных наук» (1774–1783; 2-е изд. 1789) с посвящением «ректору и университету». Однако текст представляет собой не что иное, как перевод посвящения самого Роллена.

⁹ См.: Genette G. Paratexts. P. 121–122.